

А.А. Скворцов

УДК 174

О вине и ответственности профессора

Аннотация. Статья посвящена обсуждению вопроса об ответственности рядовых сотрудников университета за трансформации, происходящие с высшим образованием в последнее время. Автор утверждает, что сотрудники университета оказались в поле действия двух видов ответственности: моральной, принимаемой добровольно, и административной, навязанной извне. Первая – следствие осознания своего статуса как носителя высокой культуры, ответственного за интеллектуальное развитие общества. Вторая, напротив – стремится уничтожить идентичность профессора и превратить в безличного исполнителя приказов, то есть исключить требования первой. Система обязательств, навязываемых административной ответственностью, нередко выглядит абсурдной, а её обращения к сотруднику все чаще содержат в себе угрозу. В этой ситуации нельзя возлагать ответственность на рядового профессора за сохранение идентичности университета, поскольку он становится жертвой серьезных ситуационных факторов, противостоять которым индивидуально у него нет возможности. Тем не менее справедливо возлагать на профессора моральную ответственность за судьбу его научного направления, передачу знаний молодому поколению и за развитие интеллектуальной культуры.

Ключевые слова: этика, академическая этика, вина, ответственность, образование, наука, ценности.

Вопрос, поставленный НИИ ПЭ о «вне-алиби»-бытии» профессора предельно заостряет внимание именно с точки зрения этики индивидуальной ответственности. «Не алиби» в бытии, согласно М.М. Бахтину, это ситуация, когда человек не может «выпрыгнуть» из своего человеческого статуса, т.е. перестать быть принимающим решения и действующим существом. «Алиби» – означает «в другом месте», а человек не может быть «в другом месте», т.е. чистым наблюдателем жизни. «Эта утвержденная причастность моя, – пишет М.М. Бахтин, – создает конкретное долженствование – реализовать всю единственность, как незаменимую во всем единственность бытия, по отношению ко всякому моменту этого бытия, а значит, превращает каждое проявление мое: чувство, желание, настроение, мысль – в активно-ответственный поступок мой» [3]. И долженствование, и незаменимость, и активность, и ответственность – все эти явления неотделимы от человеческой «единичности». Как потом показывает Бахтин, ответственность – главная из них; невозможно поступать и думать, что за тебя действует кто-то другой, и также невозможно по-

ступать, полагая, что твой поступок останется без последствий. Но «единичность» неизбежно включает в себя множественность, ибо рассыпается сразу на несколько социальных ролей и статусов. И вопрос НИИ ПЭ касается, в первую очередь, профессионального статуса профессора: он также предполагает «не алиби» в его бытии? В данном случае нельзя однозначно сказать, что профессор «не может выпрыгнуть» из своего статуса; напротив, вполне может. Он в состоянии уйти из университета, заняться чем-то другим, либо – что ещё хуже – остаться в университете, но заниматься деятельностью, которая раньше считалась несвойственной для профессора. В первом случае, ухода, это будет именно поступок, воплощающий человеческое «не алиби» и утверждающий профессиональное алиби. Но это все-таки – не ответ на вопрос. Если профессор ныне имеет мужество остаться в своем университете, то насколько он ответственен за то, что происходит? И вправе ли общество, к примеру, родители абитуриентов и студентов, вменять вузовским профессорам эту ответственность? Для них лицом университета до сих пор являются именно профессора и преподаватели, а не реальные хозяева нынешних университетов – чиновники и менеджеры.

Вопрос о вине и ответственности – крайне запутанный в философии. С одной стороны, тот факт, что мы будем говорить об ответственности носителя профессионального статуса, профессора, несколько упрощает дело: здесь возможно хотя бы приблизительно очертить круг обязанностей. С другой стороны, профессор также остается человеком с его несомненным «не алиби» в единичном бытии. И сейчас часто бывает так, что обязанности, налагаемые на профессора, могут быть относительно терпимыми с точки зрения сотрудника организации, но абсолютно нетерпимыми с человеческой точки зрения. Этот конфликт делает вопрос не просто запутанным, но и дилеммным. Еще лет десять назад трудно было представить, насколько часто профессору придется идти на сделку с совестью. Причина этих коллизий заключается в конфликте двух типов ответственности, налагаемых на сотрудника университета. Первая, назовем её «административной», предъявляется по факту нахождения профессора во властной вертикали организации и ставит его перед необходимостью исполнять решения руководства. Вторая, назовем её «моральной», – исходит из обязанностей, которые профессор, в силу «не алиби» в бытии, добровольно принимает на себя. Первая ответственность – следствие занимаемой должности, вторая – исходит из идеальных представлений, основанных на убеждении, что положение профессора как педагога и ученого – не только профессия, но и призвание. И с этой точки зрения «не алиби» в бытии – ситуация, ко-

гда профессор не может дистанцироваться от своего призвания, равно как обычный человек не может дистанцироваться от собственной жизни. Быть профессором, а в более широком смысле – сотрудником университета, не просто должность, а по определению, некое особое положение человека, причастного и к науке и образованию, и к легендарной истории своего вуза. Так большинство профессоров ещё из недавнего прошлого понимали смысл своего существования, а точнее – служения. Именно так их работа воспринималась в общественном сознании.

Еще в недавнем времени два вида ответственности не конфликтовали между собой. Административные требования не мешали профессору двигаться в поле своего призвания, а иногда даже помогали, например, когда сотруднику предоставляли творческий отпуск для написания научного труда. В таких условиях многие жители университетов справедливо считали себя свободными людьми, в том плане, что могли преподавать так, как считали нужным, исследовать темы по собственному выбору и публиковать результаты там, где считали правильным. Конечно, свободные условия работы не всегда давали профессору материальное благополучие, но даже в возможностях подработки в других организациях он редко был стеснен. Некоторые ведущие университеты даже гордились тем, что их сотрудники востребованы и поощряли совместительство. Но в последние годы все очень изменилось. Настолько, что сотрудники, проработавшие не один десяток лет, не только перестали узнавать свои университеты, но даже отказываются верить в то, что в них происходит. Вузы стали стремительно превращаться в то, что Э. Гоффман назвал «тотальными институтами», где существует непреодолимая грань отчуждения между руководством и безликой массой сотрудников [4]. В таких организациях два поля ответственности неизбежно начнут конфликтовать между собой. Складывается впечатление, что административная ответственность едва ли не специально оказалась направленной на стирание черт индивидуальной моральной ответственности профессора, а она в свою очередь не может примириться с происходящим и вынуждена постоянно находиться в позиции его осуждения.

О содержании этих трансформаций мне приходилось неоднократно говорить в предыдущих статьях. Суть их сводится к тому, что университеты перестают быть центрами образования и культуры, стремительно превращаясь в некий гибрид государственной корпорации и бизнес-организации, нацеленный на штурм контрольных цифр, спущенных сверху. Частично эти цифры не имеют прямого отношения к миссии университета, например, количество привлеченно-

го финансирования на каждого сотрудника или число проведенных культмассовых мероприятий. Формализация всех сторон академической жизни приводит к разрушению педагогического процесса в его традиционном понимании. Профессору, измученному постоянными требованиями улучшать статистику вуза по разным направлениям, больше нет возможности искать новые пути донесения своего знания до молодого поколения исследователей. Знание растет, изменяется и усложняется очень быстро; для его передачи требуются новые методики трансляции, но как их найти, если даже незначительное время, оставшееся у профессора для педагогической работы, уходит на подготовку формальных программ учебных курсов и множества отчетов по успеваемости и нагрузке. Да и само знание все меньше имеет возможности найти путь к студентам. Ликвидация кафедр и факультетов, сокращение преподавателей, неизбежно приводит к исчезновению из учебных планов сложных, уникальных курсов, единственно благодаря которым новички становятся специалистами высокого уровня. Зато в пространстве вузов появляется множество «внеучебных мероприятий», призванных «разнообразить» учебный процесс, а на деле отвлекающих студентов и сотрудников от сосредоточенной работы. Лучшую оценку такому «процессу» дают не преподаватели, а главные потребители «образовательных услуг» (так написано в законе «Об образовании») – абитуриенты и студенты. Обратил ли кто-нибудь из нас внимание, как за последние годы в десятки раз в сети увеличилось количество сайтов, посвященных получению высшего образования за границей? Причем это не только сайты, но и обучающие видео, подкасты и даже целые образовательные курсы на коммерческой основе. Их – десятки, т.е. родители готовы даже заплатить деньги, чтобы получить навык по отправке ребенка учиться за рубеж. Раньше образование там получали только избранные и богатые, а теперь – это становится массовым явлением. По опыту общения с талантливыми школьниками знаю, что учебу в западных университетах они рассматривают как приоритетную задачу, а высшее образование в ведущих российских вузах – как второстепенную. Один из мотивов, бесспорно, – боязнь не получить нужных баллов по ЕГЭ; а также распространенное среди таких школьников убеждение, что в российских вузах они не получат качественного образования. Особенно это касается выпускников профильных гимназий, получивших очень хороший набор знаний, исполнивших тяготы по штурму ЕГЭ, добившихся поступления в элитный вуз. Многие из них специально выбирали будущую профессию, с большим энтузиазмом шли учиться, но быстро поняли, что в университете они почти никому не нужны: ни педагогическому составу, занятому рутинной деятельно-

стью по изготовлению бессмысленных бумаг; ни управленческому слою, занятому подготовкой отчета по освоению бюджета. Интересно бы узнать статистику: сколько разочарованных студентов успевают за шесть лет обучения перебежать из вуза в вуз в поисках более приемлемого качества обучения. Даже в ведущих вузах таких набирается часто до половины курса. Но никто эти данные считать не будет, ибо никто в этом не видит опасной тенденции. С точки зрения образовательных властей, качество полученных студентами знаний неуклонно растет. Но, как мы видим, у самих студентов другое мнение.

Можно очень долго перечислять отрицательные явления, появившиеся по итогам хаотичных трансформаций высшего образования. Но наш вопрос заключается в другом: несет ли профессор ответственность за сохранение университета в его традиционном понимании как центра науки, образования и культуры? Или, по-другому: виноват ли профессор в отрицательных явлениях, происходящих ныне в университетах? И здесь надо прежде всего заметить, что ответственность, как явление морального сознания, была всегда неотъемлемой частью индивидуальной этики профессора. В первую очередь, ему всегда требовался личностный рост: он не мог останавливаться на достигнутом, его мироощущение требовало читать, писать, выступать, развиваться, искать новые подходы к преподаванию. И все это воспринималось не только как самоцель, но основывалось на представлении об ответственности и за свой университет, и за свою научную область, и за интеллектуальное развитие, а значит и за будущее своей страны. Получалось, что профессор не просто «читает лекцию», а каждый раз сдает экзамен перед будущим поколением ученых; он не просто публикует статью, а представляет содержательный отчет перед исследовательским сообществом за, возможно, многолетнюю работу; он не просто вступает в общественную дискуссию, но демонстрирует высокий уровень знаний, необходимый для её проведения. Какое-то время единство саморазвития и ответственности за окружающую интеллектуальную среду не подвергалось сомнению ни самим профессором, ни наблюдателями со стороны. И важно заметить, что такую ответственность профессор брал на себя добровольно и даже не мыслил своё существование вне её.

Добровольная моральная ответственность сотрудника университета никогда не имела какой-либо институциональной регуляции: она основывалась только на его добровольном выборе и контролировалась личной совестью. Единственное, что могло угрожать ему за неисполнение высокой миссии – недовольство коллег и учеников, которое в значительно большей степени, чем иные стимулы, побужда-

ло развиваться далее. Но теперь сотрудники университетов все чаще сталкиваются с требованиями внешней, часто вмененной им насильно, ответственностью, которую мы раньше называли административной. Привыкшие к достаточно свободной жизни, они стали чувствовать себя крайне некомфортно в ситуации, когда руководство стремится контролировать почти каждый их шаг. Любое действие (индивидуальное или коллективное) следует сначала запланировать, затем получить на него разрешение сразу нескольких начальников, затем написать ряд отчетов, формы которых успевают меняться не по одному разу в год. Конечно, жизнь вокруг усложняется, она не может оставаться прежней и в университетах. Но здравый смысл подсказывает, что новые требования должны помочь академическим организациям адаптироваться к меняющемуся миру, но этого не происходит. Большинство новых требований – абсурдны и фактически делают университеты нежизнеспособными. К примеру, от сотрудников требуется: резко увеличить число зарубежных публикаций (при нарастающей изоляции страны), повысить индекс цитирования (в ситуации, когда времени на чтение не остается из-за необходимости ударными темпами «производить» новые тексты), повысить количество абитуриентов и конкурс (при демографическом спаде), привлечь дополнительное финансирование и самим увеличить собственные доходы (при не прекращающихся кризисах и общем бюджетном дефиците на образование в стране), увеличить количество защит (при том, что требования все время ужесточаются, а число советов сокращается). Иными словами, требования принципиально невыполнимые, исходящие от непонимания реальной ситуации, забирающие последние университетские ресурсы и все более отдаляющие от передовых мировых тенденций в развитии науки и образования.

Рядовой сотрудник также поставлен в жесткую необходимость исполнять необъяснимые требования, при этом прекрасно понимая, что они имеют небольшое отношение к науке и образованию. Абсурдная составляющая академической жизни ведет к деградации обеих сторон традиционной университетской этики. Саморазвитие профессора стало серьезно затруднено: подготовка бесконечных отчетов и фабрикация бессмысленных текстов ему не способствует, как не способствует и значительное повышение педагогической нагрузки и бюрократии, сопровождающей его. В сущности, из труда профессора стремительно исчезает творческая составляющая и значительно увеличивается рутинная, а значит из свободного обитателя не менее свободного сообщества, изначально посвященного высокой культуре, он превращается в банального сотрудника офиса, чья деятельность жестко регламентирована. Соответственно, исче-

зает также идея моральной ответственности: ни цели университета, ни способы их достижения от сотрудника теперь не зависят. От него требуется только достижение контрольных цифр, которые также успевают поменяться несколько раз в год и хаотично спускаются сверху. И чем меньше он рефлексует по поводу происходящего, тем лучше для целей организации. Это и есть суть насильно вменяемой административной ответственности: она отчуждает от профессора идентичные для него виды деятельности, основанные на представлении об академической свободе, и стремится сделать из него безличного исполнителя указаний.

Две разновидности академической ответственности противостоят друг другу, но их соперничество – слишком неравное. Индивидуальная моральная ответственность не стремится оценивать никого, кроме собственного носителя; она исходит из уникальности каждого пути в науке и образовании, а также из принципа доверия коллегам. Она не стремится никого наказывать, либо осуждать, ибо сосредоточена на своем призвании. Но совсем по-другому ведет себя административная ответственность. Она навязывается от имени власти и говорит с ещё недавно свободными людьми на языке угроз, и он стал в академическом мире обиденным. Сотрудников ставят перед нехитрым выбором: изо всех сил штурмовать статистические рубежи, либо быть изгнанным из организации. Административная ответственность стремится к постоянной количественной оценке труда, исходя из недоверия к труду её объекта. Каждый носитель её обязан постоянно отчитываться за полученные результаты, а она вправе давать ему оценки. В отличие от индивидуальной ответственности, она не понимает, что такое индивидуальный путь, и стремится к обезличенности своих носителей. По большому счету, ей не важно, кто достигнет контрольных цифр и какие у него заслуги в прошлом, а может и в будущем; производство, нацеленное на количество, не должно обращать внимание на такие мелочи. Как заметил З. Бауман: «Еще одним, не менее важным последствием бюрократического контекста действия является дегуманизация объектов бюрократической операции, возможность выразить эти объекты в чисто технических, этически нейтральных терминах» [2]. Для целей навязанной административной ответственности, стремящейся к обезличенности исполнителей, важно заменить понятия и статусы, обладающие высоким ценностным содержанием, на ценностно-нейтральные, технические термины. Например, звания «профессор» и «доцент» на банальную аббревиатуру «ППС», термин «образование» на «услуга», а «наука» и «исследование» на «публикационную активность».

Исходя из указанного выше конфликта двух видов ответственности, можно переформулировать изначальный вопрос: «Виноват ли профессор в господстве административной ответственности, которая насильно навязана ему извне и угрожает его идентичности»? Абсолютистски настроенный внешний наблюдатель мог бы сказать: если профессор до сих пор принадлежит к своей институции, значит, он виноват во всем, что с ней происходит, в т.ч. в низких оценках высшего образования, которые выносят некоторые студенты и абитуриенты. Действительно, многих коллег и внешних наблюдателей возмущает, насколько мало ныне осталось в университетах носителей добровольной моральной ответственности и как абсолютное большинство сотрудников, исходя из чувства самосохранения, бросилось исполнять приказы руководства, даже самые абсурдные. Не хочется здесь приводить такие примеры, которых может набраться уже не на одно издание. Некоторые даже нашли в новой для себя «морали подчинения» неплохие возможности заработка и карьерного роста. Но все-таки опрометчиво, не понимая, что сейчас происходит с университетами, вменять вину профессорам. Так же, как и нынешний школьник, и переживающие за него родители не могут повлиять на содержание учебной программы, появление новых, все более изощренных методов контроля знания, так и сотрудник современного российского вуза зачастую лишен права оспаривать спускаемые на него сверху директивы. По сути, преподаватели попадают в обстановку «ситуационного зла», мастерски описанной философами от Х. Арендт и С. Милгрэма до З. Баумана и Ф. Зимбардо. У этого зла нет очевидного источника, но оно крайне притязательно, угрожает насильем любой сопротивляющейся индивидуальности, пронизывает большую часть окружающей реальности, и с ним почему-то согласно большинство. Может ли, в таком случае, профессор нести личную ответственность при такого рода «диктатуре цифр» (перефразируя вопрос Х. Арендт)? Разумно предположить, что у него есть лишь три возможности: либо активно сопротивляться, бороться, идти своим путем, но тогда, скорее всего, его существование в организации сделают невыносимым, а потом выгонят, либо, как и советовала Х. Арендт, уйти в уединение (вести «молчаливый диалог... с самим собой») [1] и, насколько возможно, минимизировать собственное участие в коллективном зле, либо, руководствуясь самосохранением, исполнять все указания. Если подумать, то второй вариант – это не выход. Х. Арендт писала о существовании в тоталитарном государстве, где вы хоть и рискуете жизнью, но все же имеете возможность уйти в самоизоляцию, однако в организации так не получится, особенно когда отчеты о всякой активности публикуются едва ли не ка-

ждый день. Да и как можно говорить о «тихом несогласии», «внутренней эмиграции», когда, к примеру, профессор наблюдает за «реорганизацией (т.е. разгромом)» своей кафедры/лаборатории/факультета, которым отдал столько усилий? Здесь надо либо бороться, с минимальными шансами на победу, либо не соглашаться и уходить.

Получается, что ныне справедливым было бы не возлагать на профессора вину и ответственность за происходящее в университетах. Следует понимать, что сегодня рядовые сотрудники вузов столкнулись с ситуационными факторами, возможности противостояния которым значительно превосходят возможности отдельной личности. Предполагать обратное – означало бы предъявить к профессорам требования вступать в героическую борьбу, а для этого надо быть самому героем. Но все же надо помнить, что у профессора есть та – первая, добровольная моральная ответственность, отражающая его призвание. Она требует, насколько возможно, воплощать в жизнь самые высокие стандарты университетской культуры. И если в пространстве академических организаций для неё остается все меньше места, то в обществе, в его образовательном, культурном и научном пространстве есть немало полей для её проявления. Для многих образованных людей в стране, получавших высшее образование в счастливые времена стабильного существования университетской культуры, осталось глубоко уважительное отношение к профессорам и преподавателям. Для них они по-прежнему остаются не только носителями высокой культуры, но и людьми, ответственными за сохранение этой культуры в стране. На передовую науку, современное образование в обществе ныне есть огромный запрос, особенно от тех, кто желает учиться: школьников, студентов, искателей дополнительного образования. Тот факт, что системы среднего и высшего образования не могут адекватно ответить на этот запрос, делает его более актуальным. И перед ними, перед искателями настоящего знания, у профессора нет морального права ссылаться на сложную ситуацию в его организации. За идентичность университета он не может нести ответственность, но он отвечает за судьбу своего научного направления и за трансляцию знаний будущему поколению. Эту ответственность ему можно вменять хотя бы в силу общественных ожиданий и высокого статуса, который профессор занимает в интеллектуальной области. Если университеты деградируют, то себе он не может позволить подобное, и если из них постепенно уходят наука и образование, то его долг быть там, куда они уходят. И если организация мешает ему развиваться, то он должен расстаться с ней и найти себе иные способы развития. «"Не алиби" в бытии профессора» требует от него пребывать там, где ещё дышит и развивается интел-

лектуальная культура, где его ждут, где он востребован, где уважают его индивидуальность. Там появляются новые возможности для саморазвития и перспектива нести ответственность за развитие современных образовательных направлений. И есть надежда, что за отдельными подвижниками в поле содержательного интеллектуального поиска вскоре потянутся и университеты. Это и станет началом их возрождения.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 136-137.
2. *Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 27.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр.соч. Т.1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. С. 51.
4. *Гоффман Э.* Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019.